

УДК 811.512.157'373 + 81'27

<https://doi.org/10.25587/2782-6627-2026-3-50-60>

Оригинальная научная статья

Лексика традиционной пищи в поэзии А.Е. Кулаковского: состав, семантика, художественные функции

С. В. Иванова

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова,
г. Якутск, Российская Федерация✉ iva.sv@svfu.ru

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью гастрономической лексики якутского языка как важнейшего пласта материальной и духовной культуры народа саха. В условиях глобализации и унификации пищевых традиций особую ценность приобретает системное описание наименований традиционных продуктов, зафиксированных в письменных памятниках и художественных текстах, которые отражают архаические представления о пище, способы ее приготовления и символическое значение. Цель работы – выявление, тематическая классификация и лингвокультурологический анализ корпуса названий традиционных якутских продуктов, представленных в произведениях основоположника якутской литературы А. Е. Кулаковского. Задачи включают: 1) сплошную выборку лексем из сборника «Ырыа-хоһоон»; 2) тематическое распределение выявленных единиц по группам (молочные, мясные, рыбные, мучные продукты, дикоросы); 3) семантический анализ каждой группы с привлечением данных толковых словарей; 4) выявление художественных приемов (эпитеты, параллелизм, звукопись), используемых поэтом для введения гастрономической лексики. Методология базируется на методах сплошной выборки, компонентного анализа, сопоставительно-словарного и лингвокультурологического анализа, а также на приемах этнолингвистической интерпретации. Материалом послужил сборник «Ырыа-хоһоон» (т. 1 Полного собрания сочинений, 2009) и якутско-русские словари (Э. К. Пекарского, Большой толковый словарь якутского языка, Якутско-русский словарь и др.). Результаты показали, что гастрономическая лексика в творчестве Кулаковского насчитывает более 40 наименований, относящихся к пяти тематическим группам; доминируют молочные термины (свыше 50% выборки), что отражает их ключевую роль в традиционном рационе. Семантический анализ показывает, что наименования часто мотивированы способом приготовления, консистенцией или сезонностью продукта. Художественные приёмы (развёрнутые эпитеты к слову кумыс, синтаксический параллелизм в перечислении рыбных блюд, звукопись в описании утвари) не только обогащают поэтику, но и служат средством актуализации культурной памяти. Обсуждение результатов позволяет заключить, что гастрономическая лексика Кулаковского является смысловым ядром, организующим поэтические описания быта, праздника, изобилия и социальных отношений. Перспективы исследования связаны с расширением корпуса за счет диалектных записей, олонхо и других текстов, а также с углублённым этимологическим анализом на тюркском и монгольском фоне.

Ключевые слова: лексика традиционной пищи, якутский язык, А. Е. Кулаковский, молочные продукты, мясные блюда, рыбные блюда, этнокультурная лексика, лингвокультурология, диалектная лексика, поэтический текст

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Иванова С.В. Лексика традиционной пищи в поэзии А.Е. Кулаковского: состав, семантика, художественные функции *Алтаистика. Алтаистика. Altaistics.* 2026, № 3 (22), С. 50-60. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2026-3-50-60>

Lexicon of Traditional Food in the Poetry of A.E. Kulakovsky: Composition, Semantics, and Artistic Functions

Sargylana V. Ivanova

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

✉ iva.sv@svfu.ru

Abstract

The relevance of this study is determined by the insufficient exploration of the gastronomic vocabulary of the Yakut language as an essential layer of the material and spiritual culture of the Sakha people. In the context of globalization and the unification of food traditions, particular value is attached to the systematic description of the names of traditional products recorded in written monuments and literary texts, which reflect archaic ideas about food, methods of its preparation, and symbolic meaning. The aim of the work is to identify, thematically classify, and linguoculturologically analyze the corpus of names of traditional Yakut products presented in the works of the founder of Yakut literature, A.E. Kulakovsky. The objectives include: 1) a continuous sampling of lexemes from the collection Yrya-khohoon; 2) thematic distribution of the identified units into groups (dairy, meat, fish, flour products, wild plants); 3) semantic analysis of each group using data from explanatory dictionaries; 4) identification of artistic techniques (epithets, parallelism, sound symbolism) used by the poet to introduce gastronomic vocabulary. The methodology is based on methods of continuous sampling, componential analysis, comparative-dictionary and linguoculturological analysis, as well as techniques of ethnolinguistic interpretation. The material used was the collection Yrya-khohoon (vol. 1 of the Complete Works, 2009) and Yakut-Russian dictionaries (E.K. Pekarsky, Great Explanatory Dictionary of the Yakut Language, Yakut-Russian Dictionary, etc.). The results showed that the gastronomic vocabulary in Kulakovsky's works comprises more than 40 names belonging to five thematic groups; dairy terms dominate (over 50% of the sample), which reflects their key role in the traditional diet. Semantic analysis shows that the names are often motivated by the method of preparation, consistency, or seasonality of the product. Artistic techniques (elaborate epithets for the word kumys, syntactic parallelism in listing fish dishes, sound symbolism in describing utensils) not only enrich the poetics but also serve as a means of actualizing cultural memory. Discussion of the results allows us to conclude that Kulakovsky's gastronomic vocabulary is a semantic core organizing poetic descriptions of everyday life, celebration, abundance, and social relations. Prospects for the study are related to expanding the corpus through dialect records, olonkho, and other texts, as well as to an in-depth etymological analysis against the Turkic and Mongolian background.

Keywords: gastronomic vocabulary, Yakut language, A.E. Kulakovsky, dairy products, meat dishes, fish dishes, ethnocultural vocabulary, linguoculturology, dialect vocabulary, poetic text

Funding: The study had not financial support

For citation: Ivanova S.V. Lexicon of traditional food in the poetry of A.E. Kulakovsky: composition, semantics, and artistic functions. *Altaistics*. 2026, No 3 (22), Pp. 50-60. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2026-3-50-60>

Введение

В последние десятилетия якутский язык активно исследуется как в синхронном, так и в диахронном аспектах. Особый интерес вызывает лексика материальной культуры, в частности гастрономическая терминология, которая является не только отражением бытового уклада, но и носителем глубоких культурных смыслов. Пища в традиционном обществе саха выполняла не только утилитарную, но и ритуальную, социальную, символическую функции. Соответственно, её наименования содержат информацию о способах обработки продуктов, сезонных предпочтениях, пищевых запретах и предписаниях, а также о межэтнических контактах.

Актуальность настоящего исследования определяется, во-первых, недостаточной систематизацией гастрономической лексики якутского языка в диахроническом аспекте; во-вторых, необходимостью сохранения и актуализации архаических терминов, которые постепенно выходят из активного употребления.

Объектом исследования выступают наименования традиционных продуктов питания, зафиксированные в поэтическом наследии А. Е. Кулаковского–Өксөкүлээх Өлөксөй (1877–1926) – основоположника якутской художественной литературы [1]. Предмет исследования – семантико-функциональные и лингвокультурные особенности гастрономической лексики в поэзии Кулаковского: ее тематическая организация, мотивационные признаки, культурные коннотации, художественные функции. Выбор материала обусловлен тем, что Кулаковский, создавая свои произведения в конце XIX–начале XX века, сознательно опирался на живую народную речь, фольклорные традиции и бытовую лексику. Его поэтические тексты представляют собой уникальный источник для изучения лексического состава якутского языка того периода, включая те названия продуктов, которые впоследствии были вытеснены русскими заимствованиями или просто забыты. Поэт не просто фиксировал языковые реалии, но и сознательно конструировал языковую картину мира, в которой каждое слово несло глубокий культурный и исторический смысл [2, 3]. Этот подход находит прямое отражение и в гастрономической лексике, которая у Кулаковского становится не просто бытовым элементом, но и важным художественным средством.

Гипотеза исследования состоит в том, что гастрономическая лексика в поэзии А. Е. Кулаковского представляет собой системно организованный фрагмент языковой картины мира. Она отражает традиционные представления о пище, труде, гостеприимстве, социальной иерархии и этнокультурной идентичности; многие архаические и диалектные наименования сохраняются в поэтическом тексте не как случайные реликты, а как осознанно отобранные и эстетически значимые элементы. Их семантика мотивирована технологическими, сезонными, анатомическими и культурными признаками, а функционирование подчинено художественным задачам – созданию образов изобилия, ритуальной щедрости, социальной маркировки и культурной памяти.

Цель данной работы – выявить, систематизировать и проанализировать корпус гастрономической лексики, употребляемой А. Е. Кулаковским, с точки зрения ее тематической организации, семантической структуры и культурной коннотации. В задачи входит: провести сплошную выборку соответствующих лексем из сборника «Ырыа-хоһоон»; выполнить их тематическую классификацию; дать семантико-этимологический комментарий с привлечением словарей и этнографических источников; охарактеризовать художественные приемы, используемые поэтом при введении гастрономической лексики.

Теоретические основания исследования

Традиционная кухня якутов неизменно находилась в центре внимания этнографов и фольклористов. Одну из первых подробных классификаций якутской пищи предложил А. А. Саввин, выделивший молочные, мясные, рыбные, растительные, мучные блюда и напитки [4]. Этнографический обзор с анализом технологий приготовления основных блюд в сопоставлении с родственными тюркскими культурами выполнен С. И. Николаевым [5], а роль растительной пищи в дореволюционном быту якутов подробно рассмотрена О. В. Ионовой [6].

Гастрономическая лексика якутского языка в аспекте языковой реализации детально проработана в работах Е. Р. Николаева, где освещены тунгусо-маньчжурские заимствования в якутской пищевой лексике [7], фрагмент языковой картины мира на материале диалектных

номинаций пищи в якутском и тувинском языках [8], а также семантические параллели в лексике традиционной пищи в якутских, хакаских и алтайских народных сказках [9].

В других тюркских языках гастрономическая лексика также становилась объектом специальных исследований: хакасская пища рассматривалась Р. П. Абдиной [10], татарская – Л. Р. Хайрутдиновой [11], башкирская – Ф. С. Аминовой [12] и др.

В современной лингвистике особое внимание уделяется культурно-специфической лексике – словам, которые отражают уникальные реалии и концепты определенного этноса. Гастрономические реалии относятся к числу наиболее ярких маркеров этнической идентичности, поскольку они связаны с повседневной жизнью, календарными обрядами, гостеприимством и социальной иерархией [13]. Исследование таких единиц требует интеграции данных этимологии, семантики, диалектологии, этнографии и фольклора.

При анализе поэтических текстов мы опирались на концепцию П. А. Слепцова о роли А. Е. Кулаковского в формировании якутского литературного языка [14]. Согласно этой концепции, Кулаковский сознательно отбирал и обрабатывал языковые средства, закладывая основы литературной нормы. Его поэтическое творчество стало пространством, где устная народная речь и книжно-письменная практика соединились в единую систему. Поэтому гастрономическая лексика в его произведениях предстаёт как осознанно отобранный и эстетически организованный материал.

Материал исследования

Материалом исследования послужил сборник А. Е. Кулаковского «Ырыа-хоһоон» (Песни-стихи), вошедший в первый том Полного собрания сочинений (2009) [1]. В него включены 30 произведений, созданных в разные периоды творчества поэта. Общий объем корпуса составил 42 лексемы (с учетом словоупотреблений – 89 единиц). Из них: молочные продукты – 17 лексем (48 словоупотреблений); мясные продукты – 5 лексем (6 словоупотреблений); рыбные продукты – 5 лексем (5 словоупотреблений); дикоросы – 3 лексемы (3 словоупотребления); мучные продукты – 2 лексемы (2 словоупотребления); напитки и прочее – 4 лексемы (4 словоупотребления); замороженные продукты – 3 лексемы (3 словоупотребления); обобщающие наименования – 3 лексемы (3 словоупотребления).

Анализируемые произведения. Гастрономическая лексика зафиксирована в следующих 5 произведениях сборника: «Саха дьахталларыҥ мэтириэтэ» (Портреты якутских женщин); «Бүлүүлүү үнүкүү» (Виллойский танец); «Кэччэгэй баай» (Скупой богач); «Сайын кэлиитэ» (Наступление лета); «Итирик бурсуй ырыата» (Бахвальство пьяного богача).

В корпус включались: наименования конкретных продуктов и блюд (молочных, мясных, рыбных, мучных, растительных); наименования напитков (кымыс, ымдаан, синэ, утах); обобщающие наименования (үрүн толох – ‘молочные продукты’, чалбаран – ‘жирная пища’); наименования замороженных продуктов (тонг балык, тонг эт); кулинарные термины, непосредственно связанные с продуктами (кэһиэх – ‘накипь на посуде’).

Для семантического и этимологического анализа привлекались следующие лексикографические источники: словарь Э. К. Пекарского (1927) [16], Большой толковый словарь якутского языка (2007) [17], Якутско-русский словарь (1972) [18] и др.

Методы исследования: метод сплошной выборки; компонентный анализ; сопоставительный анализ; лингвокультурологическая интерпретация.

Для семантического и этимологического анализа привлекались следующие лексикографические источники: словарь Э. К. Пекарского [16], Большой толковый словарь якутского языка [17], Якутско-русский словарь (1972) [18], а также этнографические работы [4–6] и исследования по гастрономической лексике [8–14].

Классификация гастрономической лексики

Все выявленные наименования распределены по пяти тематическим группам. Количество словоупотреблений указывает на частотность и значимость каждой группы в поэтическом тексте. Как отмечают исследователи, в якутской культуре питания традиционно выделяются «белая» пища (молочные продукты) и «чёрная» пища (мясные продукты) [18]. Это противопоставление имеет не только практическое, но и символическое значение, отражая бинарные представления, характерные для традиционного мировоззрения саха.

1. Молочные продукты («белая» пища) – самая многочисленная группа (18 лексем, около 50% всех употреблений). Сюда входят: *арыы* (11 употр.) – ‘*коровье масло*’; *үөрэ* (6) – ‘*похлёбка из молока, воды и диких трав*’; *бутугас* (6) – ‘*похлёбка-каша из молока, воды и муки*’; *кымыс* (6) – ‘*кумыс*’; *үүт* (5) – ‘*молоко*’; *тунах* (3) – ‘*молочная пища, обилие молочных продуктов в пору отёла*’; *тар* (3) – ‘*сыворотка, простокваша*’; *суорат* – ‘*кисломолочный продукт, заквашенное кипячёное молоко, сорат*’; *көлбөх* (1) – ‘*остаток молочной пищи, слой*’; *ымдаан* (1) – ‘*напиток из кисломолочного продукта сорат, тар, разбавленного холодной кипячёной водой*’; *сингэ* (1) – ‘*молоко, разбавленное водой (обычно употр. в приготовлении пищи)*’; *издьэгэй* (1) – ‘*творог*’; *сүөгэй* (1) – ‘*сметана*’; *быыппах* (1) – ‘*кумыс из коровьего молока*’; *кэһиэх* (1) – ‘*накись на посуде*’; *үрүҥ толох* (1) – ‘*молочная пища, обилие молочных продуктов в пору отёла*’; *чалбаран* (1) – ‘*жирная пища (обильное угощение, большой пир)*’; *үрүмэ* (1) – ‘*тонкая пленка или пенка на кипяченом молоке*’.

Как видно, поэт активно использует не только общеизвестные термины (кумыс, үүт, сүөгэй), но и редкие, уже в его время архаичные или диалектные (үөрэ, бутугас, толох, чалбаран). Особенно характерно лексическое поле үрүмэ – ‘молочная пенка’. Как установлено в исследовании Е. Р. Николаева [14], вокруг этого названия формируется целая терминосистема, включающая названия глиняной посуды для вытапливания пенки (баҕарах, түптэх, көһүйэ), что свидетельствует о развитой технологической культуре переработки молока. В монгольских языках имеются параллели (тарчаа, чаччык), указывающие на древние контакты [13].

По подсчетам исследователей, якуты за счет молочных продуктов обеспечивали более 50% потребности в продуктах питания [19], что объясняет исключительное разнообразие данной лексической группы. Молочные продукты составляли основу рациона в летний период, когда скот находился на пастбище и давал много молока.

2. Мясные продукты («чёрная» пища) представлены 7 лексемами: *эт* (2) – ‘*мясо*’; *харын* (1) – ‘*желудок, брюшина*’; *чанкычах* (1) – ‘*книжка (отдел желудка жвачных)*’; *туйах* (1) – ‘*копыто*’ [8]; *субай хаан* (1) – ‘*кровяная колбаса*’, *хаһа* (1) – ‘*брюшной жир*’; *саал* (1) – ‘*конский подгивный жир*’ [1].

Мясные блюда в якутской кухне традиционно включали конину, говядину, дичь, а также субпродукты. Названия часто конкретизируют анатомическую часть животного, что отражает практику рационального использования всех частей туши. Этнографы насчитывают до 22 видов мясных блюд у якутов [19]. В текстах Кулаковского мясная лексика уступает молочной, что, возможно, связано с летне-осенним временем действия многих стихотворений, когда молочные продукты были основой рациона.

3. Рыбные продукты – группа, имеющая яркое диалектное и технологическое разнообразие (6 лексем): *аҕараа* (1) – ‘*каша из сушёной мелкой рыбы*’; *барча* (1) – ‘*варёная и сушёная мелкая рыба*’; *сыма* (1) – ‘*сырая рыба без соли, выдержанная в яме*’; *саккаа* (1) – ‘*вяленая мелкая рыба*’; *хохту* (1) – ‘*рыба, сушёная сырьём*’ (вяленый озерный голец), *хатыыс* (1) – ‘*осётр*’.

Эти термины обозначают разные способы консервации рыбы в условиях сурового климата. Способы закапывания в землю (сымалааһын) свидетельствуют о заимствовании или самостоятельном развитии способов хранения, характерных для народов Сибири.

4. Растительные продукты (дикоросы) 3 лексемы: *отон* (1) – ‘ягода, плод’; *сугун* (1) – ‘голубика’; *дьордьомо* (1) – ‘чёрная смородина’.

Сбор диких ягод играл важную роль в пищевом рационе, особенно в голодные периоды. Как отмечает О. В. ИONOVA, растительная пища, включая дикоросы, служила существенным подспорьем в дореволюционном быту якутов [6]. Названия ягод в основном исконные: сугун (‘голубика’) имеет параллели в других тюркских языках. Современное якутское сугун (‘голубика’) восходит к общеалтайской праформе. Согласно этимологическому исследованию А. В. Дыбо, Н. В. Малышевой и др., якутское сүгүн, по-видимому, восходит к общетюркской праформе *jilgun* ‘вид кустарника’ [7].

Дьордьомо (диалект, ‘чёрная смородина’) является собственно якутским наименованием. Лексема *отон* выступает как гипероним по отношению к конкретным названиям ягод и плодов, но в разговорной речи она нередко употребляется в более узком значении – ‘брусника’.

5. Мучные продукты – 2 лексемы: *бурдук* (1) – ‘мука’ [8]; *курупчаакы* (1) – ‘белая мука высшего сорта, крупчатка’. Земледелие не было традиционным занятием якутов, поэтому мука поступала путем обмена или покупки, а мучные блюда занимали скромное место в рационе.

Художественные приемы использования гастрономической лексики

А. Е. Кулаковский, как отмечает П. А. Слепцов [15], хотя и не использовал термин «литературный язык» и не разрабатывал его теории, глубоко понимал социально-культурную значимость языка и направлял своё творчество на широкое распространение демократических основ национального литературного языка. Его произведения богаты фольклорными элементами, языковой игрой, пословицами, цитатами и народными песнями. Поэт обладал удивительной способностью органично вплетать в текст стихотворения элементы живой народной речи, делая её инструментом художественной выразительности и одновременно – способом сохранения культурной памяти [3]. Это утверждение в полной мере относится и к гастрономической лексике, которая у Кулаковского выполняет не только номинативную, но и эстетическую функцию.

Особого внимания заслуживают эпитеты, которыми Кулаковский сопровождает названия продуктов. В произведении «Сайын кэлиитэ» («Наступление лета») встречаются следующие эпитеты, характеризующие кумыс: *сибиин* – ‘насыщающий, питательный’, *уохтаах* – ‘крепкий’, *көйөргө* – ‘густой, прохладный’. Эти эпитеты не просто описывают свойства напитка, но и передают его культурную значимость как символа изобилия и гостеприимства. Например: *Сири иһиттэртэн / Сибиин кымыһы / Сизлэлэх удьаанан / Уһаа аайы куттулар, / Көйөргө кымыһы / Көбүүр-көбүүр аайы / Күүгүнэччи куттулар, / Чороон-чорохой аайы толордулар, / Мааччах аайы баабыннаттылар; / Арангалаабыт анды сымыытын курдук / Арабас арыынан / Арылыччы арылаатылар* [1, с. 348-349]. В переводе В. Солоухина на русский язык этот отрывок звучит так: ‘Рядом с ними – стоймя мешок, / Он, большой, похож на ушат, / В нем бушует уже кумыс; / Деревянная втулка в нем, / Чтоб помешивать белый кумыс, / И при нем деревянный ковш, / Чтобы взбалтывать пьяный кумыс. / Белое масло / Из молока старой коровы льем, / В огромные – до краев. / Из кожаных ушатов / Прохладный кумыс черпаком, / Украшенным султаном из конских грив, / Наливаем в каждый кубок-чорон; / Крепкий кумыс / Узорным ковшом / В каждый налили

тусок, / Свежий, густой, / Пенящийся кумыс / В каждой берестяной бокал / Налили до краев. / В каждом чороне ходит кумыс, / В каждой чаше пенится он [21, с. 287–288].

Здесь удвоенные основы «көбүүр-көбүүр», «чороон-чорохой» и аллитерация на согласные звуки «с», «к», и на гласный «а» не просто украшают текст, а воссоздают картину ритуальной щедрости: мощный поток напитка, неиссякаемость угощения, материальное воплощение благополучия. Пища в поэтике Кулаковского предстает как динамический процесс, что передается звукоподражательными глаголами *күүгүнэччи, баабынаттылар*, и символ жизненной полноты – использование большого количества утвари: *удьаа, уһаа, сири иһиттэр, чороон-чорохой, мааччах, көбүүр*, обилие кумыса, что передается удвоенными и парными словами (*көбүүр-көбүүр, чороон-чорохой*) и социального согласия (всех угощают кумысом) [3, с. 54–64].

В стихотворении «Бүлүүлүү үнкүү» («Виллойский танец») Кулаковский использует звуковые повторы и перечисление названий предметов утвари: *Сизэл кытыт далаба / Сизэлэн-хааман кишрэн / Симилэх уутун испитэ / Синьньгэр кишрбитин / Сэргэх сизил эдьийгэ / Сингэри тартаран ылан / Симиш-симиш мунунан / Сибиин кымыс онгортон / Силиибитин сөрүүкэтэн / Сизрбитин ситэриэбинг. / Саалыр кытыт далаба / Сайа сүүрэн кишрэн / Сайынны ууну испитэ / Самытыгар тахсыбытын / Сайабаз налыгыр санаска / Сайа таттаран ылан / Саар ыабаз мунунан / Саамал кымыс онгортон / Санаабытын тарбатан / Сассыардаанга диэри / Саатыабын эрэ / Сайабаз-сайдам санастаар* [1, с. 139]. В переводе В. Солоухина на русский язык данный фрагмент выглядит следующим образом: «Жажущие кровеносные / Сосуды свои / Напив чудодейственным кумысом, / Который в широких / Кожаных бурдюках / Умело заквасили / Величавые наши тети / Из надоенного молока / От молодой трехлетки, / Сивой кобылицы; / Она превратила / В своем прекрасном теле / Выпитую ею воду / Из чистого пруда / В целебное молоко. / Давайте / Исполним обычай / наших предков – / Насытим / Наш алчущий костный мозг, / Приятно охладив / Тем густым кумысом, / Который в необъятных / Кожаных жбанах / Искусно приготовили / Пригожие наши / Снохи-невестки / Давайте теперь / Развлечемся всласть – / Кипящую кровь / Сладостно остудив / Тем свежим кумысом, / Который в просторных / Деревянных чанах / Мастерски заготовили / Добрые наши / Ласковые бабушки / Из выдоенного молока / От молодой пятилетки, / Белой кобылицы, / Она превратила / В своем круглом вымени / В целительное молоко / Выпитый ею поток / Из журчащего ручейка» [21, с. 49–50].

Как мы отмечали ранее [3], описание приготовления кумыса у Кулаковского строится как цепь взаимосвязанных процессов, кульминацией которой становится образ грандиозного труда (*Симиш-симиш мунунан / Сибиин кымыс онгортон...*). Повтор «симиш-симиш» одновременно создаёт звукоподражательный эффект и семантически усиливает идею полноты, изобилия и объёма, указывая на приготовление ритуально достаточного количества сакрального напитка. Гастрономический код («кумыс») здесь связан с природным («уу» – ‘вода’, «биз» – ‘кобылица’) и ритуальным («сизр» – ‘обычай, традиция’); эпитеты («сибиин кымыс» – ‘насыщающий кумыс’, «саамал кымыс» – ‘крепкий кумыс’) подчеркивают связь пищи с благополучием, здоровьем и жизненной силой.

В сатирических и обличительных произведениях, например, в «Итирик бурсуй ырыата» («Бахвальство пьяного богача»), гастрономические образы приобретают иную тональность. Чрезмерное, алчное потребление дорогих и редких продуктов (эт – ‘мясо’, хатыыс – ‘осётр’, хаһа – ‘брюшной жир’, саал – ‘конский подгивный жир’, утах – ‘напиток (здесь вино)’) служит средством разоблачения и характеристики отрицательного персонажа: *Хаһата харса суох аньһын, / Хатыыста харса суох кыһын, / Утахта тохтоло суох булун!*

Оксий, дуо оболоор! / Халынг хаһанан харчы кэбиһэр, / Суон саалынан / Мохсуо кэбиһэр, / Айгы-буйгу, / Аан чалбаран диэн / Бу аата буолбат дуо!? / Кута олор, уол! – ‘Дайте мяса, побольше жиру, / Строганину крошите живо, / Лошадиное режьте сало. / А вино чтоб не иссякало! (...) / Вот что значит: / “Сало за сало заходит”. / Вот что значит: / “Сыр в масле катается” / Лей смелей! ‘ [21, с. 184].

Еда здесь становится маркером социального неравенства, жадности и морального упадка и контрастирует с традиционной этикой умеренности и уважения к пище. Гастрономический код часто выступает инструментом социальной и этнокультурной маркировки. В сатире Кулаковского этот механизм создаёт контраст между гармоничным, традиционным и алчным, дисгармоничным миром.

Как отмечает П.В. Сивцева-Максимова, одной из ключевых черт сатиры Кулаковского является «детальное красочное описание... без конкретных выводов и заключений», где «авторская гражданская идея... выступает антитезой созданных образов» [22]. Этот прием усиливает разоблачительный эффект гастрономических образов: сама избыточность описания становится обвинением.

В поэме «Кэччэгэй баай» («Скупой богач») гастрономическая лексика выполняет не только функцию этнографической фиксации, но и становится мощным инструментом художественной характеристики и социальной сатиры [3, с. 54–64]: *Абарааны аһылытаммыт / Барчанан мааныламмыт, / Сыманы сымсайбыт, / Саккааба салбаммыт. / Хохтуга хоһулайбыт, / Собулбаа суудайбыт, / Харыны хабылаабыт, / Чанкычабы дьаабылаабыт, / Туйахха тууһурбут, / Көлбөбүнэн көппөйбүт, / Үүтүнэн үлсэммит, / тары таптаабыт, / Ымдааны ыймахтаабыт / Сингэни испит, / Таһаараары үөрэни таптаабыт, / Көбөлөн үөрэбэ көбүйбүт, / Оттоох үөрэбэ умсугуйбут, / Бэстээх үөрэбэ мэнийбит, / Бутугаһы бурулаппыт, / ытыйан аска ыларбыт, / Отон аһы ордорбут, / Сугун аска суудайбыт, / Дьордьомо аска дьулуспут, / Үтүө аһа үрүмэ, / Кэриэс аһа кэһиэх, / Ийэ аһа издьэгэй [1, с. 149–150]. – ‘Кашицу из мелкой рыбешки ест, / Сушеную котлявую рыбешку ест, / Мясо от тощей коровы ест, / Мясо от павшей коровы ест, / Коровьи жиры с удовольствием ест, / коровьи кишки варит и ест, / Копыта с большим удовольствием ест, / прокишее молоко охотно пьет, / Снятое молоко, наслаждаясь пьет, / Молоко, водой разбавляя, пьет, / Воду, молоком подбеляя, пьет. / Мучную болтушку очень охотно хлебает, / Кашу жиденькую ежедневно хлебает, / Обьедки, остатки с удовольствием доедает’ [21, с. 65–66].*

Обширный перечень простых, а зачастую и скудных яств создает не образ изобилия, а парадоксальный портрет богача, чье богатство заключается в патологической бережливости и довольствовании самым малым. Поэт использует прием нагромождения не для восхваления, а для снижения. Герой характеризуется через то, чем он довольствуется: это не дорогие яства, а отходы или испорченные продукты (*өлүк – падаль, собулба – тощее мясо*). Тем самым создается гротескный образ «богатого бедняка». Детализация видов скромной пищи (бутугас, үөрэ, ымдаан) и наслаждение ими не являются добродетелью, а становятся признаком духовной скудости, жадности и извращённого отношения к миру.

Современное состояние и перспективы сохранения гастрономической лексики

В настоящее время многие традиционные якутские продукты сохранились, но их названия вытесняются русскими заимствованиями. На прилавках магазинов можно встретить наименования продуктов *быппах, кымыс и суорат*, но такие продукты, как *үөрэ, бутугас, тар, абараа*, практически исчезли из обихода. Этому способствует как изменение пищевых привычек, так и отсутствие системной работы по популяризации национальной кухни.

В последние годы предпринимаются попытки возрождения интереса к традиционным продуктам, создаются этно-кафе, рестораны, проводятся фестивали национальной кухни. Это создает благоприятную почву для возвращения в активный лексикон архаических наименований. Однако для этого необходима научно обоснованная работа по составлению толковых и терминологических словарей, которые бы фиксировали не только значение слова, но и его культурный контекст, способы приготовления, символику.

Особую ценность представляют диалектные материалы, которые часто сохраняют реликтовые названия. Как показывают исследования [5], в говорах вилуйской группы встречаются архаизмы, уже утраченные в литературном языке. Их фиксация и введение в научный оборот является насущной задачей диалектологов. Кроме того, ценные сведения о гастрономической лексике XVIII в. содержатся в записях Я. И. Линденау, которые стали предметом специального анализа [6].

Заключение

Проведенное исследование корпуса гастрономической лексики в произведениях А. Е. Кулаковского позволяет сделать следующие выводы.

Творчество Кулаковского является ценнейшим источником для изучения лексического богатства якутского языка начала XX в. В его стихах зафиксировано более 40 названий продуктов, относящихся к пяти тематическим группам. Семантический анализ показывает, что наименования часто мотивированы технологическими процессами, консистенцией, сезонностью или анатомическими особенностями (для мяса).

Художественные приемы Кулаковского (эпитеты, параллелизм, звукопись) делают гастрономическую лексику не просто перечнем блюд, а важным смысловым и эстетическим элементом, формирующим образ традиционного уклада, гостеприимства, изобилия и национальной идентичности.

Многие из выявленных лексем в настоящее время вышли из активного употребления, что свидетельствует о необходимости их сохранения через лексикографическую фиксацию, включение в образовательные программы и популяризацию национальной кухни.

Перспективы исследования видятся в расширении корпуса за счёт привлечения диалектных материалов, записей олонхо, а также в создании сводного историко-этимологического словаря гастрономической лексики якутского языка. Такая работа позволит не только сохранить языковое наследие, но и углубить понимание культурной истории народа саха.

Как писал сам А. Е. Кулаковский, «если они познают свои добрые корни, тогда они перестанут с презрением относиться к родному языку». Изучение и сохранение гастрономической лексики – один из путей к познанию этих корней. Комплексный подход, сочетающий анализ языка, культуры и истории, позволяет наиболее полно раскрыть глубину и многообразие творчества великого поэта и мыслителя.

Литература

1. Кулаковский А.Е. *Айымньыларын уонна чинчийишлэрин толору таһаарыы. Т.1: Ырыа-хоһоон*=Полное собрание сочинений. Т.1: Поэтические произведения. Новосибирск: Наука; 2009:629.
2. Иванова С.В. Лексикографический труд А.Е. Кулаковского «Русские слова, перенятые и усвоенные якутами»: лингвистический и историко-культурный анализ. *Алтаистика. Altaistics*. 2025;4:50–60.
3. Иванова С.В. Гастрономические образы в поэтической картине мира А. Е. Кулаковского. *Вопросы национальных литератур*. 2025;4:54–64.
4. Саввин А.А. *Пища якутов до развития земледелия (опыт историко-этнографической монографии)*. Якутск: ИГИ АН РС (Я); 2005:376.

5. Николаев С.И. *Пища якутов (в свете соседних культур)*. Якутск: Якутский край; 2010:165.
6. Ионова О.В. Растительная пища якутов. В кн.: *Сборник статей и материалов по этнографии народов Якутии*. Вып. 2. Якутск; 1961:26–40.
7. Дыбо А.В., Малышева Н.В., Тимофеева А.В. и др. Диалектные наименования деревьев и кустарников в якутском языке: лингвогеографический аспект (на основе лингвистической платформы «ЛингвоДок»). *Урало-алтайские исследования*. 2025;4(59):7–29.
8. Николаев Е. Р. О тунгусо-маньчжурских заимствованиях в лексико-тематической группе «пища» в якутском языке (по лексикографическим материалам). В кн.: Миссонова Л.И. (отв. ред.) *Народы и культуры Северной Азии в контексте научного наследия Г. М. Василевича*: Сборник научных статей. Якутск; 2020:240–245. DOI: 10.25693/Vasilevich.2020.045
9. Николаев Е.Р. Пища как фрагмент языковой картины мира (на примере диалектных номинаций пищи в якутском и тувинском языках). *Вестник СВФУ*. 2020;2(76):60–71. DOI: 10.25587/SVFU.2020.76.61510
10. Николаев Е.Р. О семантических параллелях в лексике традиционной пищи в тюркских языках (на материале якутском, хакасских, алтайских народных сказок). *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2020;3(29):71–79. DOI: 10.23951/2307-6119-2020-3-71-79
11. Абдина Р.П. Лексико-семантическое описание молочных продуктов и блюд в хакасском языке. В кн.: *Материалы III научно-практической конференции с международным участием, посвященной 90-летию со дня основания Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва*. Кызыл: Типография Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение Кызылский центр образования «Аныяк»; 2019:104–108.
12. Хайрутдинова Т. *Названия пищи в татарском языке*. Казань; 1993:142.
13. Аминева Ф.С. Названия традиционной пищи в башкирском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Москва; 2005:177.
14. Николаев Е.Р. Лексическое поле үрүмэ ‘молочная пенка’ в якутском языке: нормативно-диалектный и сравнительно-сопоставительный аспект. *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2023;2:112–128.
15. Слепцов П.А. *Ступени и проблемы якутского языкознания: (сборник научных статей)*. Якутск: ИГиИПМНС СО РАН; 2008:542.
16. Пекарский Э.К. *Словарь якутского языка*. I–III тома. Ленинград: Издательство Академии Наук СССР; 1927.
17. Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта=Большой толковый словарь якутского языка. Новосибирск: Наука; 2007.
18. Якутско-русский словарь. Москва: Советская энциклопедия; 1972:608.
19. Саввинова С.Н. Пища «белая» и «чёрная» в якутской лингвокультуре. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016;7(61):45–48.
20. Кузьмина Е.Ф. *Саха төрүт аһа-үөлэ=Традиционная пища якутов*. Дьокуускай: Бичик; 2006:176.
21. Кулаковский А.Е. *Наступление лета: стихи и проза: избранные сочинения*. Москва: Современник; 1986:382.
22. Максимова П.В. Поэзия Кулаковского: жанровые особенности. *Илин*. 1998;2–3. URL: <https://ilin-yakutsk.narod.ru/1998-2/65.htm> (дата обращения: 15.09.2026)

References

1. Kulakovskiy AE. *Ayimnyilaryn wonna chinchiyilerin toloru tahaaryy. T.1: Yrya-khohoon=Complete works. T.1: Poetic works*. Novosibirsk: Science; 2009:629.
2. Ivanova SV. Lexicographic work of A.E. Kulakovskiy “Russian words adopted and assimilated by the Yakuts”: linguistic and historical-cultural analysis. *Altaistics*. 2025;4:50–60.
3. Ivanova SV. Gastronomic images in the poetic picture of the world of A. E. Kulakovskiy. *Questions of national literatures*. 2025;4:54–64.
4. Savvin AA. *Food of the Yakuts before the development of agriculture (experience of a historical and ethnographic monograph)*. Yakutsk: IGI AN RS (Y); 2005:376.
5. Nikolaev S.I. *Food of the Yakuts (in the light of neighboring cultures)*. Yakutsk: Yakut region; 2010:165.
6. Ionova OV. *Plant food of the Yakuts. In the book: Collection of articles and materials on the ethnography of the peoples of Yakutia. Vol. 2*. Yakutsk; 1961:26–40.

7. Dybo AV., Malysheva NV., Timofeeva AV. et al. Dialect names of trees and shrubs in the Yakut language: linguogeographical aspect (based on the linguistic platform “LingvoDoc”). *Ural-Altai studies*. 2025;4(59):7–29.
8. Nikolaev ER. On Tungusic-Manchu loanwords in the “food” lexical-thematic group in the Yakut language (based on lexicographical materials). In: Missonova LI. (ed.). *Peoples and Cultures of North Asia in the Context of the Scientific Legacy of G. M. Vasilevich: Collection of Scientific Articles*. Yakutsk; 2020:240–245. DOI: 10.25693/Vasilevich.2020.045
9. Nikolaev ER. Food as a fragment of the linguistic worldview (based on dialectal food designations in the Yakut and Tuvan languages). *Vestnik of North-Eastern Federal University*. 2020;2(76):60–71. DOI: 10.25587/SVFU.2020.76.61510
10. Nikolaev ER. On semantic parallels in traditional food vocabulary across Turkic languages (based on Yakut, Khakass, and Altai folktales). *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2020;3(29):71–79. DOI: 10.23951/2307-6119-2020-3-71-79
11. Abdina RP. Lexico-semantic description of dairy products and dishes in the Khakass language. In: *Proceedings of the 3rd Scientific and Practical Conference with International Participation Dedicated to the 90th Anniversary of the Founding of the National Museum Named After... Aldan-Maadyr of the Republic of Tyva*. Kyzyl: Printing house Municipal budgetary educational institution Kyzyl Education Center “Anyyak”; 2019:104–108.
12. Khairutdinova T. *Names of food in the Tatar language*. Kazan; 1993:142.
13. Amineva FS. Names of traditional food in the Bashkir language: Dis. ...cand. philologist. Sci. Moscow; 2005:177.
14. Nikolaev ER. Lexical field urume ‘milk foam’ in the Yakut language: normative-dialectal and comparative aspect. *North-Eastern Humanitarian Bulletin*. 2023;2:112–128.
15. Sleptsov PA. *Stages and problems of Yakut linguistics: (collection of scientific articles)*. Yakutsk: IGIIPMNS SB RAS; 2008:542.
16. Pekarsky E.K. *Dictionary of the Yakut language*. Volumes I–III. Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1927.
17. Sakha tylyn byhaaryylaah ulakhan tyldyta=Large explanatory dictionary of the Yakut language. Novosibirsk: Science; 2007.
18. Yakut-Russian dictionary. Moscow: Soviet Encyclopedia; 1972:608.
19. Savvinova SN. Food “white” and “black” in Yakut linguistic culture. *Philological sciences. Questions of theory and practice*. 2016;7(61):45–48.
20. Kuzmina EF. *Sakha toryt aha-yele=Traditional food of the Yakuts*. Djokuuskai: Bichik; 2006:176.
21. Kulakovskiy AE. *The coming of summer: poetry and prose: selected works*. Moscow: Sovremennik; 1986:382.
22. Maksimova PV. Kulakovskiy’s poetry: genre features. *Ilin*. 1998;2–3. URL: <https://ilin-yakutsk.narod.ru/1998-2/65.htm> (access date: 09/15/2026)

Сведения об авторе

ИВАНОВА Саргылана Владимировна – к. филол. н., доц. каф. якутского языка и перевода, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0003-3442-359X>, SPIN: 8085-8390, iva.sv@svfu.ru

About the author

Sargylana V. IVANOVA – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-3442-359X>, SPIN: 8085-8390, iva.sv@svfu.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Поступила в редакцию / Submitted 15.09.2026

Поступила после рецензирования / Revised 28.09.2026

Принята к публикации / Accepted 29.09.2026